

Они блуждали по внешнему спиральному рукаву галактики, как околдованные окружающей красотой путешественники по зачарованному лесу. Зал астронавигации омывал свет. Карты сектора, эллиптические звёздные диаграммы и блестящие облака пыли вращались вокруг Линьи и Виталия Тихонов, подобно множеству невероятно сложных атомных структур. Каждая из них представляла собой совершенную схему звёзд и туманностей и Линья протянула руку, чтобы увеличить масштаб внешних границ системы на пути курса “Сперанцы”.

— От этого промежуточного пункта отказались? — спросил отец, вытягивая пальцами потоки данных с кружащихся планет, словно выброшенную материю с поверхности солнца.

— Да, — ответила Линья. — Система Некрис.

— Конечно, системный мир Адептус Астартес.

— Если верить слухам, — согласилась Линья. — Образцовые Десантники, говорят, что их крепость-монастырь расположена в этой системе, но данная информация никогда не подтверждалась с достаточно высокой степенью точности, чтобы я добавила примечание.

— Космическим десантникам нравится уединение, — сказал отец, быстро переходя через визуальное воспроизведение системы Некрис, словно уважая волю скрытного ордена.

Линья кивнула, бросив последний взгляд на разрозненные планеты системы, вращавшиеся на бесшумных орбитах. Одни казались одинокими, далёкими от живительного солнца, холодными и синими из-за льда; другие, пути которых пролегали слишком далеко от разнонаправленной гравитации звезды, чтобы оставаться геологически активными, стали не больше чем бесплодными охряными пустынями.

Флот достиг первого промежуточного пункта, когда “Сперанца” выпрыгнула из варпа на границе субсектора Геракл, бесчисленные топографы ковчега поглощали новую информацию и данные окружающего космоса, передавая в проложенный курс. Систему Некрис рассмотрели и отклонили в качестве промежуточного пункта, её точка Мандевиля оказалась в слишком узком промежутке дуги спокойных попутных варп-маршрутов.

И она лежала несколько в стороне от пути флота через Валетте.

Зал, в котором они находились, представлял собой купол из полированного железа в сто метров шириной, созданный из единственного огромного слитка с горы Олимп и обшитый тонкими золотыми пилястрами, как и аркбутаны, поддерживающие огромный темплум. В центре рядом с вытравленным символом Механикус стояла отделанная деревом панель с несколькими тактильными клавиатурами и ручными рычажками. Из старой дополнительной клавиатуры торчало множество кодовых дисков, каждый из них содержал выборку данных, полученных логистами астронавигации “Сперанцы”.

Энтоптические машины неустанно и скрупулёзно поддерживали точную модуляцию

суспензорных полей, проецирующих столько света в воздух, что происходящее напоминало прогулку в аквариуме, объединённом с оранжереей. Небесные тела мелькали подобно стоическому живому корму, кометы проносились стремительными насекомыми, а призрачные облака газа и пыли напоминали дрейфующую медузу. Курс “Сперанцы” отмечала мерцающая красная линия, хотя отображались только реальные космические участки путешествия. Нанесение на карту бурлящих глубин варпа лучше оставить навигаторам, если такое вообще возможно.

— Проложенный тобой курс похвально точен, дорогая, — произнёс отец, наблюдая, как всё больше информации вливается в непрерывные уравнения. — Я не гексамат, но полагаю, что архимагос доволен.

Линья чувствовала гордость в тёплых эманациях его системы жидкообращения и послала безмолвное подтверждение, что разделяет его радость.

— Курс точен до одной световой минуты, — ответила она. — Новая астрономическая информация только улучшит его по мере продолжения путешествия.

— Пока мы не выпрыгнем из варпа у Шрама Ореола, — напомнил отец.

— Я знаю, но достигнув Валетте, мы сможем лучше... оценить то, что ожидаем увидеть.

— Ты ведь хотела сказать “предполагаем”?

— Я рассматривала такой вариант, но решила, что он подразумевает слишком большую долю погрешности.

— Место, куда мы направляемся скрыто завесой неопределённости, доченька. Нет ничего постыдного в неведении, чего нельзя сказать о его отрицании. Зная, что мы не знаем, мы можем предпринять шаги, направленные на исправление нашего незнания.

Виталий Тихон шагал сквозь течения звёздной информации с непринуждённостью человека, который провёл жизнь, изучая небеса. Его руки двигались, как у виртуозного дирижёра, дружелюбно и по-отечески тщательно просеивая поток данных, словно каждая система и звезда принадлежали ему. Он направился вдоль стен зала, минуя области космоса, где свет звёзд превращался в немногим больше чем в релятивистские пятна, к системам вблизи галактического ядра.

Он подошёл к проекции Шрама Ореола, изображение которого рябило мерцало и не могло сфокусироваться, как будто проекторы испытывали затруднения в расшифровке искажённых данных. Машины, шипя, выплёвывали в воздух кольца свистящего кода, гневаясь, что приходится визуализировать столь уродливую область космоса. Растекавшиеся красные и фиолетовые кровоподтёки, испещрённые жёлтыми и зелёными вкраплениями, распространяясь, подобно инфекции вдоль границы галактики, переходя в полосу звёздных

полей, которые не имели никакого эмпирического смысла. Проецируемая информация мерцала и исчезала, прежде чем появиться обновлённой под гул схем и неослабевающий шум раздражённого оборудования.

— Духи беспокоятся сегодня, — сказала Линья.

— А ты не беспокоилась бы? — спросил Виталий и протянул руку, чтобы коснуться стены и послать успокаивающую бинарную молитву во взволнованное сердце механизма. — Проецирующие духи зала раздражены изменчивыми потоками информации. Путешествие сквозь варп не привело к ответам на картографические вопросы, и как любой из нас, когда мы не добиваемся цели, они без всякого удовольствия встречают нарушение нормального режима работы.

— Они видят в тебе родственную душу, — сказала Линья, когда изображение отдалённых секторов и мерцающих звёзд стало более ярким и чётким. Раздражённое шипение машин стало тише.

— У меня много общего с духами, которые ищут далёкие берега, — ответил Виталий без особого намёка на скромность. — Также, как и у тебя.

Линья знала, что отцу не всегда хватало такта в общении с ней, но всё же высоко ценила такое проявление чувств.

— Какая жалость, — произнёс Виталий, возвращая внимание к зловеще ухмыляющейся ране Шрама Ореола. — Когда-то это были астрономические ясли юных и молодых звёзд. Теперь это немногим больше, чем кладбище исчерпанной материи, умирающих сжимающихся ядер и искажённых данных, которые столь же бессмысленно выглядят отсюда, что и с Кватрии.

— Даже загруженные “Сперанцей” на последнем промежуточном пункте астрономические данные мало помогли в расшифровке произошедшего, — заметила Линья.

— Понятно, — сказал Виталий, вытягивая водопад данных из воздуха. — Гравитационные постоянные изменения, вызванные взаимодействием столь многих гиперстарых звёзд, просто смеются над нашими инструментами. Если верить их показаниям, то внутри Шрама Ореола есть силы, способные разорвать корабль в мгновение ока.

— Я надеюсь, что на промежуточной станции Валетте мы получим более чёткое представление об этих умирающих звёздах и изменчивом космосе между ними. Возможно, мы даже сумеем проложить курс сквозь гравитационное болото.

Отец отвернулся от Шрама Ореола и спросил. — На чём основана подобная надежда?

Линья ответила не сразу, хотя она и подозревала, что отец уже догадался о причине. —

Манifoldная станция Валетте — последняя известная точка контакта с потерянным флотом магоса Телока. Весьма разумно предположить, что есть причина, почему эта система получила сообщение по manifoldу от флота Телока. Возможно, она находится в коридоре, где гравитационные поля аннулируют друг друга. Я не могу считать простой случайностью, что Валетте расположена прямо на нашем оптимальном курсе к Шраму Ореола. Я верю, что нас ведёт воля Омниссии, отец.

— Ты считаешь, что могла оказаться жертвой предвзятого подтверждения, как и неаугметированные?

— Да, но я отбросила такую возможность. Шанс, что Валетте встретится на запланированном курсе от Джоуры, бесконечно мал в абсолютном объёме потенциальных маршрутов, эллиптических отклонений орбиты и аксиоматической непостоянности системы.

— Согласен, — произнёс Виталий. — И должен признаться, что с некоторым нетерпением ожидаю загруженных данных от manifoldной станции Механикус, расположенной так близко к Шраму. Кто знает, какую информацию там могли собрать за последние столетия?

Дрожь светоданных пробежала по кабелепроводам пола, когда за спиной Линьи открылась вращавшаяся дверь в форме шестерёнки. В воздух поднялась яркая пелена биографической информации, эксплуатационного статуса и текущих загружающихся/выгружающихся данных.

Таркис Блейлок стремительно вошёл в купол астронавигации и его загрузочные устройства сразу же принялись поглощать окружающую информацию. Он выпалил подобающий приветственный код Линье и Виталию. Формальность, но она ожидала меньшего. Хотя нравы и формы обращения Механикус сильно отличались от присущих неаугметированным людям, многие из аллюзий сохранились — пускай и на двоичном коде — передавая малейшие намёки упрёка, одобрения или как сейчас тщательно скрываемого презрения.

— Магос Блейлок, — произнёс Виталий, используя простую форму бинарных протоколов, которые вышли из употребления после повторного открытия высокофункциональной лингва-технис почти пять тысяч лет назад. — Как всегда рад видеть вас. Что привело вас в купол астронавигации?

— Этот вопрос лучше обсудить конфиденциально, — ответил Блейлок, демонстративно игнорируя Линью.

— Чтобы вы не сказали мне конфиденциально, я позже передам это дочери, — произнёс Виталий, прокручивая астрономические данные системы Кетерия. — Поэтому в целях краткости и лучшего применения нашего времени предлагаю вам просто сказать то, что вы собираетесь.

— Хорошо, — согласился Блейлок, направляясь в центр зала и устремив взор зеленоватой оптики вверх, где таинственные пространства далёких галактик вращались подобно туманным паутинам. — Я пришёл в поисках вашей поддержки.

— Поддержки в чём?

— Поддержки в моих притязаниях на марсианские кузни архимагоса Котова, когда их будут перераспределять.

— Разве это несколько не преждевременно? — спросила Линья. — Мы даже не достигли границы галактики, а вы говорите так, словно экспедиция уже потерпела неудачу.

— Статистически успех экспедиции всегда считался маловероятным, — ответил Блейлок, поворачиваясь на триста шестьдесят градусов и изучая данные прозрачных звёздных систем. — Ничего не изменилось. Наиболее вероятный исход путешествия — Шрам Ореола не удастся преодолеть и архимагосу Котову придётся вернуться на Марс, признав неудачу.

— Если вы так уверены, что экспедиция закончится неудачей, почему вы участвуете в ней?

— Генерал-фабрикатор лично направил меня к архимагосу Котову, — сказал Блейлок, позаботившись, чтобы благодаря лингва-технис они поняли всю полноту его власти. — Непростительно потерять столь ценное судно, как “Сперанца” в бесплодной попытке отправиться в область проклятого космоса. Я должен убедиться, что ковчег не окажется напрасно принесённым в жертву на алтаре отчаявшегося человека, который стремится вернуть былую славу.

— Как великодушно, — произнесла Линья даже не потрудившись скрыть презрение.

— Несомненно, — ответил Блейлок, проигнорировав насмешку.

— И когда Котов вернётся с поджатым хвостом, начнётся борьба за его последние владения, — сказал Виталий. — Вы считаете, что они должны перейти к вам?

— Я — самая подходящая кандидатура, чтобы взять под контроль его кузни в Тарсисе, — согласился Блейлок.

— Подозрительный человек может сказать, что вы лично заинтересованы в провале экспедиции, — заметил Виталий.

— Несомненно, — ответил Блейлок, проигнорировав насмешку.

— И когда Котов вернётся с поджатым хвостом, начнётся борьба за его последние владения, — сказал Виталий. — Вы считаете, что они должны перейти к вам?

— Я — самая подходящая кандидатура, чтобы взять под контроль его кузни в Тарсисе, — согласился Блейлок.

— Подозрительный человек может сказать, что вы лично заинтересованы в провале экспедиции, — заметил Виталий.

— Свойственное человеку предположение, но ошибочное. Я продолжу полностью поддерживать архимагоса Котова до тех пор, пока не приду к выводу, что шанс непоправимого повреждения “Сперанцы” выше вероятности обнаружения какого-либо полезного восстановленного знания. Так как последнее — наиболее вероятный исход, то логично, что я ищу поддержки старших магосов до возвращения на Марс. Вы знаете о моём высоком положении среди Духовенства, и я не забуду вашу поддержку, когда придёт время заняться вопросами реквизиции. На Марсе много технологий, которые я бы мог бы передать на Кватрию, и превратить её в главную картографическую галерею Империиума.

— Сначала вы пытались наложить вето на участие моего отца в экспедиции, а теперь желаете подкупить его прозрачными взятками? — произнесла Линья человеческим голосом, чтобы посильнее уязвить Блейлока.

— Я голосовал против его участия, потому что считаю, что есть более квалифицированные магосы, которые могут обеспечить картографическую поддержку.

— Ни один из них прежде не путешествовал туда, — резко возразила Линья. — Присутствие моего отца повышает шансы на успех и не способствует вашим хищническим интересам, не так ли?

— Вы предполагаете, что я исхожу из постоянных взглядов и человеческих моделей поведения, — возразил Блейлок, перейдя с лингва-технис на аугметический голос. — Когда меняется ситуация, меняется и моя поведенческая схема, в конце концов, я не автоматон. Неудача экспедиции — реальная статистическая вероятность и было бы глупо для меня не подготовиться к этому.

— А если экспедиция не провалится?

— Тогда я продолжу помогать поиску знания, и священный долг перед Омниссией будет исполнен, — сказал Блейлок. — В любом случае, я буду рад служить воле Марса.

— Я думаю, что вы лжёте.

— Госпожа Тихон, если вы настаиваете на том, чтобы переносить человеческие поведенческие модели, которые не имеют отношения к моему образу мышления, на мои мотивы, то мы можем продолжить нашу бессмысленную пикировку.

— Возможно, ваши вычисления ошибочны.

Блейлок широко развёл руки, и в ноосферный воздух, подобно стае хищных птиц устремилось

неисчислимо множество великолепных статистических алгоритмов. Столь грандиозные, что их было почти невозможно постичь, комплексные решётки уравнений Блейлока являли собой прекрасную конструкцию непогрешимой логики. Даже поверхностная загрузка показала Линье полное отсутствие ошибок.

Шансы экспедиции Котова на успех оказались столь незначительными, что их можно было не принимать в расчёт.

Понимая, что поступает уныло по-человечески, Линья произнесла. — Данные промежуточного пункта Валетте изменят ваши вычисления.

— Вы правы, — согласился Блейлок. — Но недостаточно для появления статистически значимого расхождения.

— Мы довольно скоро узнаем это, — сказал Виталий, притянув полупрозрачную модель системы Валетте и выдвинув на первый план манифольдную станцию Механикус. — Мы вернёмся в реальное пространство через десять часов.

Магос Дахан с удовольствием наблюдал за гармоничным взаимодействием множества родов войск, представлявших военную мощь Империи. Имперская Гвардия полковника Андерса вела бои в огромном воссозданном разрушенном городе, каждый квадрат усеивала жестокая паутина комплексных защитных сооружений, тщательно выверенных секторов огня, треугольных огневых мешков и многочисленных пересекающихся открытых перекрёстков. Худший ночной кошмар для атакующих, но пока военная методология кадианцев оказывалась эффективной.

Конечно, это было легко, когда они сражались рядом с полным арсеналом убийственных машин Адептус Механикус. Где человеческим солдатам было слишком опасно, там наступали четвероногие преторианцы из плоти и стали, грохот взрывов и треск разрядов сопровождали их стрельбу из имплантированных орудий и энергетического оружия. Расчёты боевых серверов забирались на стены при помощи внедрённого скалолазного оборудования и изливали сверху смерть из плечевых вращающихся пусковых установок и гранатомётов. Отделения скитариев Дахана возглавляли штурмы захваченных зданий, их поддерживали “Адские гончие” кадианцев, которые омывали покинувших укрытия вражеских дронов-сервиторов потоками горящего прометия. “Часовые” валили ослабленные стены, обходя с флангов вражеские подразделения и обеспечивая разведанными следующую за ними пехоту, которая в свою очередь наступала в сопровождении средних танков “Леман Русс”, “Химер” и рычащих “Василисков”.

Конечно, они несли потери, очень большие потери, но пока ни одна рота или клан не оказались обескровлены настолько, чтобы стать небоеспособными. Количество зарегистрированных смертей держалось более чем в приемлемых рамках и не оказывало влияние на общий результат сражения.

А главенствовали на поле боя сами боги войны.

Титаны легио Сириус ступали среди дымящихся руин в тени пламени битвы, стробирующих лазерных разрядов и ярких шлейфов снарядов из “Инферно”. Знамена легио и победные баннеры свисали с шарнирных талей и вздымались парусами на серых, золотых и синих корпусах. Окружавший их измученный воздух ревел от горячих восходящих потоков.

Над всеми возвышалась “Лула Капиталина”, её громадные орудия изливали на повергнутый город разрушительные энергии. Несмотря на отсутствие взрывчатки в поражающих элементах кинетическая сила боеприпасов опустошала воссозданный город Дахана. В то время как “Амарок” рыскал среди развалин жилых блоков, выискивая вражеские цели для неожиданной атаки, не позволяя им исчезнуть в тенях пожаров, “Вилка” в одиночестве пробиралась через город и скрывалась, пока не подойдут более крупные собратья. Как только “Канис Ульфрика” или “Лула Капиталина” приблизятся и защитники выдвинутся им навстречу, “Вилка” ударит из засады и отступит, прежде чем враг успеет контратаковать.

Дахан ехал по разбитой тренировочной арене на “Железном кулаке”, подключившись к механизмам управления и отдавая приказы БМП импульсами по нейронной сети с помощью кабелей из задней части шеи. Хотя боевые патроны звонко врезались в камни и рикошетили, а в воздухе шипели отражённые лазерные разряды, он не подвергался ни малейшей опасности. Встроенные в корпус транспорта преломляющие генераторы защищали “Железные кулак” от малейшей царапины. Куда бы ни посмотрел Дахан, повсюду имперские войска продвигались с безжалостной математической точностью, они стали оркестром смерти, а он их композитором.

Огонь и манёвр, дом за домом, его город смерти не смог эффективно остановить имперское наступление. Где одно подразделение атакующих оказывалось слабым, другое оказывалось сильным. Молот Гвардии и точно приложенная сила Адептус Механикус хорошо работали вместе.

Только одно подразделение не принимало участие в бою, но Дахан ожидал их появления в ближайшее время.

Рубежи падали один за другим и тактическая боеспособность города уменьшилась настолько, что Дахан больше не видел смысла продолжать. Он положил конец тренировке мысленным импульсом, и на потолке огромной учебной палубы зажглись ряды дуговых ламп. Запустились гигантские экстракторы, втягивая клубы дыма и аэрозольные частицы, чтобы выбросить их в кильватерном следе “Сперанцы”. Достаточно быстро обширное пространство очистилось от дыма и запахов, и эхо сражения начало стихать. Дахан направил “Железный кулак” по заваленной камнями и копьями имперских святых дороге. Немало сервиторов-дронов лежали под обломками, их изувеченные тела почернели от оружия кадианцев. Органика сгорела, а механические компоненты придётся чинить, прежде чем повторно освятить и пересадить другому дрону из плоти. Обонятельные чувства Дахана идентифицировали очищенную смесь прометия, а также выявили особые соединения окаменелых углеводородов и тонкий аромат целлюлозы, который обладал химическими признаками северной сосны Кадии.

К “Железному кулаку” приблизилось отделение кадианцев, и секутор узнал полковника. Частота дыхания командира полка оказалась значительно повышена, гораздо сильнее, чем у его солдат.

— Полковник Андерс, — произнёс Дахан, коротко уважительно кивнув. — И снова ваши люди превзошли мои ожидания.

— Ваши ожидания, возможно. Моим они соответствовали, — ответил Андерс, сняв шлем и проведя влажным платком по лбу. — Итак, как всё прошло?

— Превосходно, — сказал Дахан, спускаясь с турели БМП. — Все цели в городе захвачены с минимальными потерями.

— Насколько минимальными?

— Средние коэффициенты смертности в ротах — восемнадцать целых семьдесят пять сотых процента, с тяжёлыми ранениями — тридцать целых шесть десятых. Я округляю в большую сторону, разумеется.

— Разумеется. На первый взгляд звучит вполне нормально для города такого размера, может быть немного меньше.

Полковник поставил ботинок на почерневшее тело убитого сервитора и перекатил труп на спину. Кибернетические руки оказались крепко сжаты в обгоревшие оплавленные кулаки, рот широко открыт. Андерс отшатнулся.

— Как вы думаете, они чувствуют боль? — спросил он.

Дахан покачал головой. — Нет, теменно-инсулярная область, обрабатывающая боль через нейроматрицу, является одним из многих сегментов мозга, которые прижигают во время процесса принудительной трансформации.

— Поэтому они опасны в бою, — сказал Андерс. — Враг, который боится боли уже наполовину побеждён.

— А кадианцы не чувствуют боли? — спросил Дахан, добавив какой-то риторический код на лингва-технис.

— Мы живём с болью каждый день. Что ещё остаётся тем, кто живёт под Огромным Оком?

— У меня недостаточно компетенции, чтобы ответить на это.

— Иного я и не ожидал, — сказал Андерс, снова поворачиваясь к Дахану. — Итак, восемнадцать целых семьдесят пять сотых? Посмотрим, не сможем ли уменьшить до пятнадцати, когда достигнем Шрама.

Дахан жестом указал в сторону аугметированных воинов в чёрной броне, которые строились ровными рядами за пределами захваченного города. — Скитарии Адептус Механикус стали одним из факторов уменьшения среднего числа, как и присутствие легио Сириус.

Андерс рассмеялся. — Верно, ничто не сравнится с поддержкой легио титанов, которые заставляют врагов не высовываться. А эти скитарии достаточно крепкие сыны грокса. Буду рад, если они окажутся рядом, если там, куда мы летим, придётся сражаться.

— Боюсь, сражений не избежать. Какие бы тайны не лежали за пределами галактики их обладатели не расстанутся с ними по доброй воле.

— Более чем вероятно, — согласился Андерс, сняв матерчатую флягу с разгрузочного пояса и сделал большой глоток. Утолив жажду, он вылил остатки воды на голову, глубоко дыша, чтобы успокоить сердце.

— Похвально, что вы сражаетесь рядом со своими гвардейцами, — заметил Дахан. — Нелогично, но храбро.

— Ни один офицер кадианцев не командует по-другому, если желает сохранить звание. Так всегда было и так всегда будет.

— По моим подсчётам вы, по крайней мере, на пятнадцать лет старше ваших солдат.

— И? — предупреждающе спросил Андерс.

— Вы в прекрасной физической форме для человека вашего возраста, но риск для командных и управляющих функций полка значительно превышает пользу для морали солдат благодаря возможности видеть командира.

— Значит, вы мало знаете о кадианцах, — произнёс Андерс, закинув за плечо лазган.

— Ваши люди уже указывали мне на это, хотя такое наблюдение в корне неправильно.

— Послушайте, — сказал Андерс, встав на подножку “Железного кулака”. — Вы когда-нибудь бывали на Кадии, магос Дахан? Вы кадианец?

— Нет на оба вопроса.

— Тогда чтобы вы не думали, что знаете о кадианцах — вы не знаете ни черта. Единственный способ на самом деле узнать кадианцев — сражаться против них, но не думаю, что вы этого хотите.

Хотя полковник не повысил голос, а его мимика и жесты не демонстрировали открытой враждебности, системы реакции на угрозу Дахана впрыснули адреналин в инфокровоток. Он почувствовал, как напряглись оружейные руки, энергия устремилась в силовые клинки, а внутренние обоймы начали подачу боеприпасов. Дахан мысленно успокоил ответную реакцию, потрясённый как быстро вежливость Вена Андерса сменилась воинственной конфронтацией.

— Вы правы, полковник Андерс. Я не хочу этого.

— Мало кто хочет, но думаю, вам предстоит познакомиться кое с кем поближе, чем хотелось бы.

— Полковник?

Андерс кивнул над плечом Дахана и добавил, — веру в ваши методы ждёт суровая проверка.

Дахан повернулся на центральной оси и системы обнаружения угроз снова активировались, когда он увидел, что к нему направляется Кул Гилад во главе боевого отделения Храмовников.

Гигантский реклюзиарх остановился перед Даханом, возвышаясь, словно плита из керамики и стали с ликом смерти.

— Мы пришли на бой, — сказал он.

Новость о поединке быстро облетела тренировочную палубу и скоро сотни солдат, скитариев и рабочих из бригад расчистки образовали гигантское кольцо вокруг магоса Дахана и Чёрных Храмовников. Сервиторы приостановили работы и подняли солдат повыше, а обломки торопливо сложили, улучшая обзор. Солдаты стояли на танках, на “Часовых” или везде, где они могли найти хорошее место, чтобы увидеть бой, который бывает раз в жизни.

Капитан Хокинс пробился сквозь толчею тел, используя лейтенанта Рея и своё звание, как таран, раздвигая устроившихся солдат. Они достаточно быстро добрались до внутренней стороны круга, и он увидел магоса Дахана, который стоял напротив мощной фигуры Кул Гилада.

— Он ведь не собирается сражаться с таким здоровяком? — спросил Рей. — Это же чёртов танк.

Хокинс покачал головой. — Сильно сомневаюсь. Такой бой не продлится долго, и я потеряю недельное жалование, если он проиграет.

— Император любит вас, сэр, но неужели вы поставили деньги на магоса?

— Да, думаю у него найдётся пара козырей в рукаве.

— Но... но это же космические десантники, — сказал Рей, словно безумие ставки Хокинса являлось само собой разумеющимся.

— А Дахан — секутор. Не стоит его недооценивать.

— Согласен, сэр, но ставка против космического десантника выглядит несколько ну...

— Несколько какой?

— Мятежной? — смущённо ответил Рей.

— Обещаю, что не скажу комиссарам, если ты не скажешь.

Лейтенант пожал плечами и вернулся к участникам поединка. Вокруг все заключали пари на результат схватки, но он проигнорировал несогласные крики и ставки, сосредоточившись на действиях дуэлянтов. Чёрные Храмовники стояли неподвижно позади Кул Килада, и не представлялось невозможным оценить их силы. Знаки отличия делали воинов почти неразличимыми, хотя один был облачён в прекрасную украшенную броню, словно великолепнейшее воплощение своего ордена. На шлеме виднелся лавровый венок цвета слоновой кости, а в ножнах за плечами висел огромный меч более метра длиной. Если остальные братья несли огромные болтеры, то он был вооружён древним пистолетом, отделанным золотом.

— Это будет он, — сказал Хокинс. — Запомни мои слова.

Рей кивнул, соглашаясь, и в этот момент магос Дахан сбросил мантию, обнажив мускулистое тело из пластиковой плоти со светившимися стальными рёбрами. Кроме обычной пары рук, — которые, как теперь увидел Хокинс, включали мерцающие металлические имплантаты, аугментические энергетические клинки и что-то похожее на кольцевое оружие — присутствовала и вторая пара, развернувшаяся из-за спины. Их увенчивало раздвоенное оружие, которое искрило, когда потрескивающая фиолетовая молния образовывала дугу между зубцами. Тело Дахана свободно вращалось в талии, позволяя легко поворачиваться на триста шестьдесят градусов, а три обратно сочленённые ноги заканчивались расширяющимися рудиментарными пальцами, которые с лязгом раскрылись.

— Всё ещё думаешь, что я не на того поставил? — спросил Хокинс, когда Дахан снял длинное древковое оружие с корпуса "Железного кулака". Раздался неприятный шум — это активировалось зазубренное лезвие, а когтистый энергетический блок у основания алебарды начал потрескивать от кинетической энергии.

— Поверьте, вы обрадуетесь, что не поставили месячное жалование, — ответил Рей.

Дахан приступил к серии боевых упражнений, вращая длинный клинок вокруг тела и плеч в сложной схеме убийственных движений. Ноги магоса тоже оказались оружием. Перенеся вес на две, он нанёс третьей потрошащий удар.

Кул Гилад кивнул, наблюдая за подготовительными упражнениями Дахана, и кружа вокруг зоны поражения секутора.

— Что думаешь, Танна? Кто станет лучшим противником? — спросил Кул Гилад, и бородатый воин, присутствовавший на обеде у полковника Андерса, вышел из рядов космических десантников. Остальные братья продолжали стоять, словно безмолвные статуи.

— Им должен стать Варда — он самый достойный из нас, — сказал сержант.

Воин с двуручным мечом шагнул вперёд и огромные изогнутые наплечники его доспеха сместились, когда он повёл плечами.

— Видишь, я говорил, что это будет он, — произнёс Хокинс.

Кул Гилад поднял руку и покачал головой. — Нет, чемпион Императора сражается только насмерть. Его клинок убивает во имя Повелителя Человечества, а не ради зрелищ или тщеславия. Чтобы доказать нашу правоту должен сражаться тот, кто снискал меньше всего славы. Шаг вперёд, Яэль.

Сержант не сумел скрыть удивление. — Яэль совсем недавно стал полноправным Храмовником, ему ещё предстоит пролить кровь с братьями из батальной роты.

— Именно поэтому это должен быть он, сержант Танна. Сам верховный маршал отметил его величие. Ты сомневаешься в мудрости верховного маршала?

Сержант понимал, что не стоит спорить со старшим офицером на виду у многочисленных зрителей и ответил, — нет, реклюзиарх.

Танна встал рядом с чемпионом Императора среди остальных Храмовников, а стройный космический десантник направился к Кул Гиладу. Он носил шлем, и поэтому нельзя было сказать, сколько ему лет и всё же воин держался гордо, молодой смельчак, желавший заслужить себе имя. Хокинс уже видел таких в полку: молодых офицеров прямо из учебных лагерей за пределами касра Хольна, стремившихся доказать, что чего стоят, влезая в самые опасные бои, в которые могли.

Некоторые погибали. Те, кто выжил, учились на опыте.

Оба результата помогали сохранять кадианские полки сильными.

Кул Гилад стоял перед Яэлем, положив руки в тяжёлых латных перчатках ему на плечи. Реклюзиарх что-то тихо произнёс, и воин-рыцарь кивнул, обнажив цепной меч с острыми зубьями и боевой нож.

Кул Гилад встал между Даханом и Яэлем.

— Пусть это будет благородный поединок, сражайтесь мужественно и храбро.

— До чего мы будем сражаться? — спросил Дахан. — До первой крови?

— Нет, — ответил Кул Гилад. — Бой не закончится из-за царапины.

— Тогда до чего? До смерти?

Реклюзиарх покачал головой. — Пока один из бойцов не нанесёт смертельный удар. Нанеси удар, но не завершай.

— Я способен остановиться благодаря мышечным ингибиторам и микроскопическому допуску оптики. Ваш воин может сказать то же самое?

— Боишься пораниться? — произнёс Яэль, и хотя его голос был изменён решёткой вокса, Хокинс услышал, насколько Храмовник молод.

— Отнюдь, — ответил Дахан, встав в боевую стойку и подняв суставные руки.

Кул Гилад шагнул назад. — Начали!

Дахан атаковал не сразу, а осторожно кружил вокруг Яэля, используя оптические анализаторы угрозы, чтобы собрать данные о противнике: дальность удара, рост, вес, предположительная сила, движение ног, позиция. Он ожидал, что придётся сражаться с крупным воином в шлеме с лавровым венком, но если реклюзиарх решил запутать боевые подпрограммы, выбрав неожиданного противника, то это оказался жалкий гамбит.

Он держал кебранианскую алебарду немного широко, одна из серворук была над ней, а другая под. Потрескивающие электрические искры мелькали между зубцами, заряд каждого шокового клинка был способен остановить сердца разъярённого карнифекса. Дахан спокойно повернулся на шарнирной талии, неторопливо постукивая рудиментарными пальцами по палубе. Одного вида его созданного для боя тела было достаточно, чтобы лишиться мужества большинство врагов, но этот воин казался равнодушным.

Он решил проверить смелость противника чем-то простым, ложной атакой для определения скорости реакции и рефлексов. Кебранианская алебарда устремилась в рубящем ударе к

голове Яэля, но Храмовник качнулся в сторону, отбил смертоносное лезвие, развернулся и продолжил двигаться по кругу. Он использовал защиту Бонетти, испытанную технику, но тот вариант, который применяется в схватке с четырёхруким врагом.

Против подобной защиты логичным вариантом было использовать атаку Капо Ферро, но по текущему профилю движения Храмовника Дахан понял, что тот провоцирует такое нападение. Его походка была, как у великого мечника из Кемоша, Агриппы, но оружие он держал, как Тибо.

Значит смешение стилей.

Дахан улыбнулся, поняв, что противник также оценивает его. Он любезно предоставил Яэлю возможность в полной мере осознать тщетность попытки сразиться с противником, который может предсказать каждое твоё движение, который разложил на части и проанализировал более миллиона поединков. И для которого просто не существовало способной удивить комбинации атак.

Гвардейцы и скитарии подбадривали и кричали, воодушевляя выбранного бойца, но Дахан переключил слуховые чувства на более высокую частоту, блокируя внешние раздражители. Звуки сменились шипящим машинным шумом, бормочущим кодом и глубоким ледяным гулом огромного разума “Сперанцы” из центра судна.

Яэль начал первую атаку, низко ударив боевым клинком, который Дахан легко парировал основанием алебарды. Он крутанул запястьями, поворачиваясь на шарнирной талии, уклоняясь от настоящей атаки цепного меча, и впечатал металлическое колено в живот Храмовника, оттолкнув противника и заставив керамит треснуть. Затем нанёс быстрый удар шокowymi когтями. Клинки скользнули по руке Яэля, прорезав броню на сантиметр. Импульс в сотни вольт прошёл по клинку, но Храмовник проигнорировал его и шагнул вперёд, направив меч в грудь Дахану.

Второй шокový коготь остановил атаку и магос устремил основание алебарды в бок Яэля. В ушах раздался рёв яростного кода, когда энтропийный конденсатор алебарды направил разрушительные импульсы парализующего кода в доспех Храмовника. Яэль пошатнулся, а системы брони вздрогнули от неожиданной атаки, изо всех сил стараясь не отключиться и не перезагрузиться. Дахан откинулся на одной ноге, а двумя передними ударил в грудь Храмовника, отбросив космического десантника. Яэль тяжело ударился о палубу и покатился, из силового ранца полетели искры.

Дахан прыгнул следом, направив золотистое лезвие алебарды вниз. Яэль перекатился в сторону и вскочил на ноги с такой силой и скоростью, которые удивили Дахана. Стало ясно, что воинственный дух доспеха Яэля оказался лучше приспособлен сопротивляться нападению, чем большинство машинных душ.

Яэль низко ударил мечом, но Дахан поднял ногу над стремительным клинком. Алебарда снова устремилась вниз, отклонив атаку в предплечье. Астартес обошёл защиту Дахана и ударил

боевым ножом в грудь. Двойные шоковые клинки перехватили его на расстоянии волоска от укреплённой кожи. Магос направил разряд потрескивающей энергии сквозь нож и тот разлетелся ливнем раскалённых добела металлических осколков.

Дахан попал рукоятью алебарды в подбородок Яэля, наклонился почти на девяносто градусов по вертикальной оси и ударил шоковыми клинками в бок противника. Взревев от боли, Яэль опустился на колено, сверкающие пурпурные молнии заплясали на его броне. Дахан не останавливался и, двигаясь по кругу, оказался за спиной поверженного Храмовника, заноса алебарду, чтобы обезглавить космического десантника.

Он слегка согнул ноги и широко замахнулся клинком, но неожиданно почувствовал меч Яэля напротив паха. Дахан потрясённо посмотрел вниз. Храмовник всё ещё стоял на коленях, словно молился, но клинок был направлен назад между туловищем и левой рукой. Острие меча касалось тела Дахана, но бешено вращавшиеся зубья остановились. Мгновенные вычисления показали, что клинок воина проникнет внутрь на смертельные двадцать пять сантиметров, прежде чем его собственный клинок успеет оборвать жизнь Яэля.

— Смертельный удар, — произнёс Кул Гилад.

— Я не понимаю, — сказал Дахан, возвращая руки с шоковыми клинками в исходное положение на спине и поставив алебарду вертикально. — Это невысказано. Комбинации схем боя Храмовника Яэля, способов атак и физических атрибутов не прогнозировали такой результат.

Яэль встал и посмотрел на магоса. Он вложил меч в ножны и поднял руки, чтобы снять шлем. Его лицо оказалось невыразительным, резкие черты сгладили генетические манипуляции и увеличенная плотность кости. Изотопный распад скелетной структуры сообщил Дахану, что Яэлю было не больше двадцати четырёх терранских лет.

— Ты сражался классическими школами, — сказал секутор. — Агриппа, Тибо, Калгар...

— Я обучен им, знаю их, но не следую им слепо, — пояснил Яэль.

— Почему нет? Каждая из этих техник очень искусна.

— Бой — это больше, чем просто техника и мастерство. Это мужество и храбрость. Готовность терпеть боль, понимание, что даже величайший воин может проиграть по воле случая, из-за клочка рыхлого грунта, пылинки в глазу...

— Я учёл случайные факторы в вычислениях, — возразил Дахан, всё ещё не желая признать, что его боевые подпрограммы могли ошибиться. — Мои результаты бесспорны.

— В этом и заключается ваша ошибка, — произнёс Кул Гилад. — Когда речь заходит о бое

такой вещи как бесспорность не существует. Даже величайший мастер клинка может быть повержен более слабым противником. Чтобы стать воистину совершенным воином надо понимать, что поражение возможно всегда. Только когда вы признаете это, то действительно сможете сражаться с храбростью.

— С храбростью? — усмехнулся Дахан. — Хотел бы я знать, как её можно объединить с моими навыками?

— Тренируйтесь с нами и поймёте.

Дахан кивнул, но не успел ответить, потому что по тренировочному ангару разнёсся невероятный ревущий вой. Исполненное гневом, ужасом и безумием эхо металось по разрушенному городу Дахана. Вою ответили, и высокая конструкция из модульной стали и пермакрита в центре города обрушилась лавиной обломков. Оптика Дахана пронзила завесу пламени, дыма и пыли, но увиденное было лишено всякого смысла.

Титаны легио Сириус сражались друг с другом.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/657133>